

нято на уровне мнения. Это тем более целесообразно, что при обнаружении его несоответствия цели субъекта оно может быть легче отброшено.

Отношение Пирса к вере существенно отличается от того, что было свойственно Канту. Кант сознательно соотносил веру с познанием, рассматривая ее как «одно из формальных условий для полной системы чистого разума...» (3, 53), как одно из средств соединения всех частей чистого разума между собой. Поэтому она выступает у него как необходимый элемент познавательного процесса. Пирс соотносил веру главным образом с преобразованием, и ее познавательный статус интересовал его мало. Более того, часто Пирс по-видимому и вовсе не замечает этот статус. Приведенные здесь положения отражают логику отношения Пирса к познавательному статусу веры, показывая не только то, как он относился к этому статусу, но и как должен был в определенных случаях относиться, исходя из своеобразия своей философии. В свете этой логики видно, что никакой жертвы с его стороны не было.

¹ См.: Глускин В. В. Кант и проблема гносеологического анализа веры//Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1979. Вып. 4; Андриюшенко М. Т. Гносеологический анализ веры в философии Канта: предпосылки, сущность, последствия//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1984. Вып. 9. С.

² При рассмотрении убеждения как элемента веры здесь обращается внимание на то, что вытекает из высказываний Канта и, следовательно, отражает его точку зрения. При этом точка зрения Канта не отождествляется с современными марксистскими взглядами на убеждение и не противопоставляется им. То, что высказал Кант, представляет собой одну из ступеней в формировании марксистской трактовки убеждения.

³ См.: Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 156—157; Ерунов Б. А. Мнение в системе человеческого познания. Л., 1974. С. 161; Рузавин Г. И. Вероятность//Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 80.

⁴ См.: Мельвиль Ю. К. Чарлз Пирс и прагматизм. М., 1968. С. 255.

⁵ See: Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge MA. Vol. 5. § 525. Further: Collected Papers...

⁶ Ibid. Vol. 7. § 313.

⁷ Ibid. Vol. 3. § 356.

⁸ См.: Мельвиль Ю. К. Указ. соч. С. 262.

⁹ Peirce C. Values in a universe of chance. N-Y, 1958. P. 381.

¹⁰ See: Collected Papers... Vol. 5. § 416.

¹¹ See: Ibid. Vol. 5. § 371—386; Мельвиль Ю. К. Указ. соч. С. 376.

«Социальная космология» Ф. Гёльдерлина

В. М. Сергеев
(Институт США и Канады АН СССР)

Философские построения Канта стали своего рода водоразделом между европейской философией XVII—XVIII веков с ее преимущественно гносеологическими проблемами и философ-

скими системами Шеллинга, Фихте, Гегеля, ориентированными на проблемы онтологии. Вопросы «Как человек познает мир?» и «Возможно ли адекватное познание мира?» сменились вопросами «Что есть мир?» и «Каким образом он развивается?».

С точки зрения истории философии, период столь резкого слома парадигмы представляет особый интерес. Как происходило рождение этих новых вопросов? Кто и в каких условиях первым по-новому посмотрел на предмет исследования? Переломное время обычно рождает много темных фигур, не замечаемых современниками, точнее замечаемых только самими проныцательными.

Какова была та среда, в которой складывались революционные философские концепции Шеллинга и Гегеля? Кто в числе первых под влиянием антиномий Канта, как бы поставивших предел гносеологическим штудиям, обратился к вопросу о том, что представляет из себя род человеческий и какова онтология культуры? Наступила эпоха, когда изучение природной космологии сменилось изучением космологии социальной¹. Рассматривая этот период, давший столько разнообразных ростков в философии, истории культуры, литературе, нельзя пройти мимо сумрачной фигуры Фридриха Гёльдерлина. Друг юности Гегеля и Шеллинга, возможно, участник тайной политической организации (многое в его биографии еще остается неясным, однако теснейшая дружба и общность взглядов с радикальным политическим деятелем И. Синклером несомненна), поэт и философ, непонятый современниками, человек, переживший страшную личную трагедию и сорок последних лет свой жизни проведенный в состоянии тяжелого душевного заболевания, Ф. Гёльдерлин, почти забытый на протяжении XIX столетия, в начале XX неожиданно объявлен величайшим гением немецкой поэзии. В 1878 г. даже такой тонкий и проныцательный историк философии, как В. Виндельбанд², характеризуя позднее творчество Гёльдерлина, писал: «Блеск дикции в отдельных местах также удивительно хорош, но тут же встречается сухое прозаическое выражение, а иногда и невыразимая тривиальность содержания; часто, наконец, совершенно бессмысленное сочетание мыслей и лишь звучный набор слов». Через несколько десятилетий М. Хайдеггер именно поздние стихи Гёльдерлина «Титаны», «Мнемозина», действительно незаконченные, местами непонятные, будет считать вершиной поэтической мысли и анализировать как крупнейшие достижения философии культуры. Хайдеггер, как и несколько ранее Р. М. Рильке, видел в творениях Гёльдерлина непосредственное усмотрение истории Бытия³. Мифология истории — так можно было бы назвать творчество Гёльдерлина. Природа, место и судьба человеческого рода, «социальная космология» и «космология творчества» — вот истинные проблемы его поэзии.

Трудно переоценить то влияние, которое постановка указан-

ных проблем оказала на немецкую философию начала XX века. Шеллинг и Гегель, братья Шлегели и Гумбольдт, Новалис и Жан-Поль — вот выразители того сдвига к исследованию антропологии и истории культуры, к пониманию феномена развития, причем развития диалектического со взлетами и падениями, прогрессом и регрессом, крутыми сломами истории, чередованием темных и светлых эпох, в отличие от линейного прогресса просветителей XVIII века.

Поэзия Гёльдерлина сама по себе является лучшим примером значимости философских идей Гёльдерлина о взаимоотношении поэзии и философии, о роли поэтического творчества в становлении философии, в формировании мышления. В романе «Гиперион» Гёльдерлин говорит устами героя: «Поэзия —... есть начало и конец этой науки; философия, как Минерва из головы Юпитера, родится из поэзии божественного бытия. И таким образом все, что есть в ней несоединимого, в конце концов, сливается воедино в таинственном источнике поэзии. ...Поверьте мне, скептик находит противоречия и недостатки в наших мыслях потому только, что он знает гармонию безупречной красоты, которую нельзя постичь мыслью. Черствый хлеб, которым его благодушно потчует человеческий разум, он отвергает только потому, что втайне пирует с богами.

...Великое определение Гераклита *εν διαφεροῦ εαυτω* (единое, различаемое в себе самом) мог открыть только грек, ибо в этом вся сущность красоты, и, пока оно не было найдено, не было и философии.

Теперь можно было давать определения: целое уже существовало. Цветок распустился: оставалось только разъять его на части»⁴.

В этом отрывке в наиболее концентрированном виде за два года до появления «Системы трансцендентального идеализма» Шеллинга сформулированы идеи, ставшие центральными и для раннего Шеллинга, и для зарождающегося немецкого романтизма. Многие места из «Системы трансцендентального идеализма» кажутся пересказами Гёльдерлина. Гёльдерлин, однако, в отличие от своего младшего друга (Шеллинг был моложе на 5 лет), никакого успеха не имел. И причиной тому скорее всего форма, в которой он излагал свои мысли. Гёльдерлин не писал философских трактатов, не вел никакой академической деятельности и тем самым оказался социально изолированным от философского сообщества Германии; никто не считал его (да и он сам не считал себя) профессиональным философом. Его деятельность прокладывала путь концепциям романтизма, но сам он плодами своего труда не воспользовался и, прежде всего, потому, что ушел гораздо дальше в развитии своих идей, оторвавшись от своего времени и на столетие опередив его. С точки зрения истории философии, Ф. Гёльдерлин — человек, одним из первых в европейской культуре от-

крывший экзистенциальную проблематику, он предтеча не столько Брентано и Уланда, сколько Хайдеггера, Ясперса, Сартра.

Его идеи о взаимодействии поэзии и науки нашли, наконец, у историков науки признание, в особенности в рамках «социологии знания»⁵, хотя неясно, отдают ли себе отчет представители этого направления в данном обстоятельстве. Конечно, подобная точка зрения и поныне резко противоречит взглядам некоторых представителей академических сообществ, которые и роль философии в развитии науки признают с большим трудом, не говоря уже о поэзии. Неделимость культуры, провозглашавшаяся Гёльдерлином, только сейчас в связи с взаимопроникновением естественно-научного, точного и гуманитарного знания становится признанным фактом.

Что касается иных идей Гёльдерлина, его «социальной космологии», то некоторые из них серьезно обсуждались, пожалуй, только в нескольких малопопулярных работах М. Хайдеггера⁶ и, несмотря на необозримую литературу, посвященную творчеству и необычайной личной судьбе Гёльдерлина, не стали предметом изучения историков философии. Собственно говоря, центральная тема, пронизывающая все творчество Гёльдерлина,— это проблема трагического и противоречивого взаимодействия творческой личности и социума. Анализ отношений поэта и общества позволяет Гёльдерлину построить собственную «социальную космологию», некий миф, дающий периодизацию исторических эпох на основе типологии этих отношений. Гёльдерлин широко использует метафору «дня» и «ночи» как противопоставления «гармоничного общества творцов» и враждебного творчеству «общества ремесленников», где люди разобщены и отождествляют себя со своими социальными ролями. О современном ему немецком обществе Гёльдерлин пишет: «Ты видишь ремесленников, но не людей; мыслителей, но не людей; священников, но не людей; господ и слуг, юнцов и степенных мужей, но не людей... Говорю тебе: нет ничего святого, что не было бы осквернено этим народом, не было бы низведено до уровня жалкого вспомогательного орудия; даже то, что у дикарей очень часто сохраняет свою божественную природу, эти сверхрасчетливые варвары превращают в ремесленничество, да они и не могут иначе, потому что раз уж человеческое существо соответствующим образом вышколено, оно служит только своим целям, оно ищет только выгоды, оно не мечтает уже — упаси бог»⁷.

Гёльдерлин рассматривает античную Грецию как бессмертный пример общества творцов, как момент истории, когда «являют свой день боги среди рода людей»⁸. Крушение античной культуры представлялось ему как ночь, опустившаяся на человеческий род⁹. Особенно ясно эти идеи выражены в наиболее, пожалуй, совершенном произведении Гёльдерлина, элегии «Хлеб и вино»: ¹⁰

...Мы же, друг, опоздали прийти. По-прежнему длится
 Но в пространствах иных вечное время богов.
 Там они зиждут свой путь и, мнится, думать забыли,
 Жив ли наш род, до того нас Всеблагие шадят.
 Ибо хрупкий сосуд не всегда их вынести может,
 Только в избранный час бога вместит человек.
 Сон о них отныне есть жизнь. Но хранительным может
 Стать забытье, и дерзать Скорбь научает и Ночь,
 Вплоть до часа, когда в железной своей колыбели
 Сердце окрепнет, и мы вновь до богов дорастем.
 В буре сойдут они к нам. Но покуда, мнится, отрадней
 Тихо уснуть мне, чем так, все без товарища, жить.
 Ждать, но чего? И есть ли смысл в деянье иль слове,
 Скрыто от нас, и к чему скудному веку певцы.
 Так; но подобны они, ты скажешь, жрецам Винобога,
 Что из края в край странствуют в темной ночи.

Гёльдерлиновская метафора «дня» и «ночи» подробно разобрана в упомянутой ранее работе Хайдеггера. Смысл ее в том, что в ночи в пропасти, куда оказались низвергнутыми покинутые богами люди, только поэты могут видеть след отлетевших богов и хранить огонь творчества. Есть тем не менее один аспект мифологической концепции Гёльдерлина, которого Хайдеггер почти не коснулся.

Это концепция человека — творца как полубога, сына богов, лишённого бессмертия, но жаждущего сравниться с богами, противостоящего и богам, и людям, занятым своими мелкими домашними делами. Особенно ярко эта концепция изложена в гимне «Рейн», посвященном Исааку Синклеру. Гёльдерлин рассматривает смертных полубогов как существ высших по отношению к богам, существ, которым доступно то, что богам недоступно, в которых боги нуждаются¹¹.

...И если Небожителям кто-нибудь нужен,
 Так это герои и люди
 Смертные. Раз уж
 Обделены Блаженным чувством
 Должен, коль слово такое
 Дозволено, кто-нибудь
 Во имя богов чувствовать.
 Боги нуждаются в нем...

Метафора творческой способности, заимствованная Гёльдерлином у Гераклита, — это огонь. Представление о человеке-творце, вступающем в безнадежную схватку с косным социумом, пронизывает все его творчество. Самое горькое выражение этого чувства безнадежного столкновения содержится в письме Гёльдерлина Сюжете Гонтар: «...Люди испытывали страх друг перед другом, бояться, как бы гений одного из них не поглотил другого, поэтому они позволяют себе вволю есть и пить, но не приемлют ничего, что дает пищу душе, и не могут допустить, чтобы какие-нибудь их слова и действия, претворенные другими в мысль человеческую, превращались в пламя. Глупцы! Как будто хоть малость того, что люди способны сказать друг дру-

гу,— не просто дрова для растопки, которые, только став добычей духовного огня, превращаются в огонь, как сами они до того произошли от жизни и огня»¹².

Итак, трагедия творчества, необходимость для человека совершить экзистенциальный выбор между тихим незаметным существованием и безнадежной борьбой с ночью, темной социальной стихией составляет основной пафос позднего творчества Гёльдерлина. Эмпедокл, бросившийся в Этну, соединивший огонь, горевший внутри него, с огнем вулкана,— вот его идеал. Незаконченная трагедия «Смерть Эмпедокла» — одно из лучших творений поэта. Нам представляется несомненным, что отражение этих идей содержится в философской лирике Ф. И. Тютчева (вероятно, знакомого с творчеством Гёльдерлина через Шеллинга, с которым Тютчев много общался в Мюнхене). Стихотворение Тютчева «Два голоса» крайне близко по содержанию к некоторым фрагментам «Песни судьбы» и «Рейна», а строки в стихотворении Тютчева «1856»

«Гроза ревет, гроза растет (И вот — в железной колыбели),
В громах родился Новый год...»

настолько текстуально схожи с приведенным выше отрывком из «Хлеба и вина», что трудно отказаться от мысли, что это просто цитата, тем более, что скрытое указание на цитирование есть в предшествующей строфе «1856» «Я не свое тебе открою...»

Хорошо известно огромное влияние, которое оказало творчество Гёльдерлина на Р. М. Рильке, да и обращение Хайдеггера, оставшегося в 30-х годах в Германии, к Гёльдерлину (эссе «Зачем существуют поэты» было опубликовано в 1936 г. в Швейцарии) представляется далеко не случайным.

Поставленные поэтом вопросы о «темных эпохах» истории заставляли многих в XX веке совершенно по-новому посмотреть на сущность этих «темных эпох». В отличие от просветителей, видевших в средневековье, в «ночи разума» лишь результат идеологического господства церкви и считавших, что устранение этого господства автоматически ведет к веку разума и прогресса, Гёльдерлин увидел в качестве главной конституирующей особенности «темных эпох» господство неразвитого, консервативного социума над творческой личностью, господство, которое не может быть устранено простой сменой идеологических парадигм, природа которого гораздо глубже, в самом отношении людей к процессу творчества, а именно в превращении творческой элиты в социальную иерархию, со всей естественной для нее нетерпимостью к неортодоксально мыслящим людям, отношении, определяемом культурной традицией и только вместе с ней могущим быть сломанным.

Гёльдерлин прекрасно понимал свою собственную несвоевременность. В «Гиперионе» он прямо обратился к грядущим поколениям: «О, тогда вы, грядущие новые Диоскуры, остано-

витесь на минуту, проходя мимо места, где спит Гиперион, помедлите, вдохновленные свыше, под прахом забытого человека и скажите: «Он был бы, как мы, будь он сейчас среди нас».

Это чувство несвоевременности в сочетании с личной трагедией, невозможностью быть рядом с любимой и любящей его женщиной сломали поэта. Социум победил творца. Природа душевной болезни Гёльдерлина неизвестна, однако некоторые исследователи полагают, что его сумасшествие могло быть мнимым, а сорокалетнее затворничество явилось результатом своего рода ухода из жизни, ухода, который он предварил строками «Ганимеда»:

Весна приходит. Все, что живет, опять
В цвету. Но он далёко: уже не здесь.
Не в меру добры боги: ныне
Глух его путь, и беседа — с небом.

¹ Galtung J. Occidental Cosmology and Theories of Peace and Development//World Problems and Their Perception: Материалы конференции. Budapest, 1985.

² Виндельбанд В. Фридрих Гёльдерлин и его судьба//Виндельбанд В. Прелюдии. Спб., 1904.

³ В работе «Зачем существуют поэты» М. Хайдеггер писал о поэзии Гёльдерлина: «...Но существовала бы и существует исключительная необходимость своим собственным путем, трезво вдумываясь в его поэзию, изучить то, что не выражено в словах. А именно поток истории Бытия. Если мы достигнем этого потока и войдем в него, он приведет мышление к диалогу с поэзией, к диалогу об истории Бытия. Исследователи письменной истории неизбежно будут рассматривать этот диалог как ненаучное искажение того, что подобная наука почитает за факты. Философы будут рассматривать его как беспомощное порождение фантазии. Но судьба течет потоком, не затронутая всем этим» (Heidegger M. What Are Poets For?//Heidegger M. Poetry, Language, Thought. N-Y, 1971).

⁴ Гёльдерлин Ф. Гиперион//Гёльдерлин Ф. Сочинения. М., 1969.

⁵ См. в особенности работу Дж. Холтона «Вселенная Иоганна Кеплера: ее физика и метафизика (Холтон Дж. Тематический анализ науки. М., 1981), а также концепцию «использования учеными «внешних» культурных ресурсов» М. Маклея (Маклей М. Наука и социология знания. М., 1983. С. 171 и далее).

⁶ Heidegger M. What is called Thinking? N.-Y., 1968.

⁷ Гёльдерлин Ф. Гиперион//Там же.

⁸ Гёльдерлин Ф. Хлеб и вино//Там же.

⁹ Виндельбанд писал, что «именно это эглическое погружение в древность сделало Гёльдерлина неспособным отвечать требованиям современной жизни и превратило его жизнь в муку» (Виндельбанд В. Указ. соч. С. 137). Представляется, однако, что дело обстоит значительно сложнее. Трагедия Гёльдерлина, как мы постараемся показать далее, значительно глубже, чем меланхолическая неспособность мечтателя вписаться в современное ему общество.

¹⁰ Гёльдерлин Ф. Хлеб и вино//Гёльдерлин Ф. Сочинения. М., 1969.

¹¹ Гёльдерлин Ф. Рейн//Там же.

¹² Там же. С.